

ГЛАВА 1

Одесса, 1875 г.

*М*аленький худенький мальчик с огромными черными глазами, обрамленными густыми ресницами, младший сын сапожника, сидел на скамье в сапожной будке отца и уныло смотрел на сапог, который отец наказал ему починить.

Этот сапог принес приказчик торговой лавки, поручив заменить стертые каблуки и подошву.

Пожилый сапожник Яков Гойдман считался лучшим на всей Молдаванке, и ему охотно несли обувь все, кто не мог себе позволить выбросить прохудившиеся и почти негодные ботинки, ношенные уже несколько сезонов.

Хороший сапожник считался в Одессе одним из главных персонажей быта. И верно. Прекрасную импортную обувь не достать, одесситы со скромными доходами не чуждались починки, зная, уж дядя Яков настоящий мастер и сделает на славу.

И Яков делал на славу. Если кто-нибудь из клиентов оставался подождать, Гойдман усаживал его на табурет, от жесткого сидения на котором потом болели ягодицы, брал в руки сапог или ботинок — и начиналось священнодействие.

Посетитель, щуря глаза от тусклого желтого света маленькой лампочки, вдыхал терпкий запах герани, смешанный с запахом кожи и сапожного клея, оглядывал деревянные этажерки, ломившиеся от разной обуви. На квадратном деревянном столе горками высились набойки, подковки, подошвы, кожаные заготовки, баночки с кремом...

Сам Яков, с длинными спутанными седыми волосами, перехваченными кожаной лентой, восседая на таком же табурете, в измазанной кремом рубашке, в длинном фартуке и грязных штанах, орудовал маленьким молоточком. Мозолистые руки сапожника напоминали руки ювелира или часовых дел мастера. Миниатюрные тонкие гвоздики ловко входили в кожу, остальные дожидались своей очереди во рту Якова. Иногда дело доходило до толстой иглы-шила, которой он сшивал порванные бока.

Клиентов всегда подкупала его деловитость, до тошноты и неторопливость. Он знал и любил свое дело — об этом говорила вся Молдаванка. И не только потому, что Яков ни разу не испортил изделие, напротив, всегда выдавал «конфетку», но и потому, что он просиживал в маленькой сапожной будке и в летнюю жару, и в зимнюю стужу, травясь запахом кожи и клея. А еще Якова любили за то, что он никогда не жаловался, никогда не рассказывал о своих проблемах, зато всегда шутил — а в Одессе шутки многого стоят!

Шутки Якова знала вся Молдаванка, может быть, они были известны и за ее пределами. Вот почему клиенты порой дожидались починки своей обуви в его будке. Иногда дядя Яков такое скажет — живот надорвешь. Зато никто никогда

не слышал от него бранных слов, даже когда старый Гойдман случайно попал себе молотком по пальцу.

Но время шло, сапожник старел и потихоньку приучал к любимому делу сыновей, которых было ни много ни мало пятеро.

Старший, Мойша, наверное, родился сапожником и вскоре вовсю помогал отцу. Второй и третий подрабатывали грузчиками в порту, а самые младшие, Шепсель и Лейба, не радели ни к какой работе.

— Пусть сначала поучатся в школе, — заступалась за них мать, горбоносая Софа. — А потом и помочь тебе станут.

Но Яков видел: эти не станут. И к учебе-то они особо не радели. Да и какая там учеба в местном хедере при синагоге? «Талмуд» читать научились да деньги считать — вот и вся учеба. А еще сказок где-то наслушались — как быстро разбогатеет.

Вот и сидели целыми днями на крыльце дома и фантазировали, вместо того чтобы родителям помочь.

Сегодня Яков не выдержал и силой привел младшего, Шепселя, в лавку. Он было ухватил за шиворот и Лейбу, но тот ловко вывернулся и скрылся в многочисленных дворах Молдаванки.

Маленький худой Шепсель поунирался немного, но, поняв, что натруженные мозолистые руки отца не собираются его отпускать, покорно поплелся в будку.

— Я уже показывал, как нужно забивать маленькие гвоздики, — назидательно сказал Яков, кидая на колени Шепселю сапог приказчика, — и ты пробовал делать это. Пусть на первых порах

будет трудно, пусть ты не раз попадешь себе по пальцам — ничего страшного. Только так из тебя получится хороший сапожник.

Мальчик скривился, будто от зубной боли, и это не ускользнуло от отца.

— Я знаю, вы с Лейбой вбили в свои дурные головы, что можно быстро разбогатеть, — усмехнулся он, доставая с полки ботинок, просивший «каши». — Для этого вам нужно, по крайней мере, найти клад, потому что у нас нет богатых родственников, которые вот так, вдруг, оставят нам наследство.

Шепсель прищурился, презрительно глядя на отца.

— Ты волком на меня не смотри, — буркнул Яков. — Сапожное дело тоже доход приносит. Я один шесть ртов кормил. Так что выбрось из головы всякую дурь и принимайся за работу.

Отвернувшись от мальчика, он сел на свой табурет с лоснившимся сиденьем и принялся колдовать над ботинками.

Шепсель покорно сунул в рот тонкие гвоздики, как это делал отец, тонкими детскими пальцами взял один из них, приставил к подошве и, замахнувшись молотком, со всей силы ударил себе по пальцам.

ГЛАВА 2

Дивногорск, наши дни

Лиза сидела у окна, глядя, как капли дождя рисуют причудливые узоры на оконном стекле, и морщилась, словно капли попадали ей в глаза.

Ей тоже хотелось плакать, как небеса, такими же горючими слезами, но слез давно уже не было. Она

вновь и вновь вспоминала прошлую жизнь, когда была замужем за Сергеем.

Ох, те далекие и ужасные девяностые годы! Родители-алкоголики продали и пропили квартиру, и их семья оказалась выброшенной на улицу.

Приютила бабушка, постоянно жаловавшаяся на здоровье и на сына-алкоголика и такую же невестку, не желавших работать. Да и где работать, если единственный завод в их городе закрылся?

Лиза окончила всего девять классов, хотя неплохо училась и мечтала поступить в институт, потом ПТУ, где получила профессию швеи, хотя терпеть не могла шить.

— Ты должна идти только на швею, — напутствовала бабушка. — Всегда будешь с деньгами на кусок хлеба с маслом.

Однако старушка ошибалась. Лиза пробовала устроиться в единственное в городе ателье, но хозяйкам требовалась классная портниха, которая смогла бы шить вещи не хуже зарубежных — это и собирался делать хозяин — выдавать за зарубежные, стоило только прикрепить этикетку.

Ее нежелание и отсутствие нужных навыков было сразу замечено, и в тот же день Лизу уволили. Оставалось одно — пойти на улицу и обслуживать клиентов в грязных туалетах на вокзале, потому что все мало-мальски приличные места даже для такой работы были распределены.

На вокзале она и познакомилась с Сергеем, типичным бритоголовым братком с тупым выражением лица, увидевшим ее возле туалета — худенькую девчонку с маленькой грудью, с огромными синими глазами, со страхом смотревшую на мужчин.

Он подошел к ней и взял за руку.

— Пойдем?

Лиза задрожала, и это не ускользнуло от мужчины.

— У тебя что, в первый раз?

Она кивнула.

— Врешь, — усмехнулся Сергей. — Я вижу тебя здесь не первый раз.

Лиза снова кивнула:

— Да, но я все не решалась... Я не хочу этим заниматься... Но у меня нет выхода.

Он фыркнул, крутанув толстой, как у быка, шеей.

— Ну, это вы все говорите. Пойдем, нужно когда-нибудь начинать. Я сомневаюсь, что ты сможешь заработать другим способом.

Мужчина потянул ее не в мужской туалет, куда обычно направлялись ее подруги по несчастью, а в привокзальную гостиницу.

Он снял номер с широкой кроватью, душем и туалетом, заставил ее помыться, а потом, когда она вышла из душевой с сияющей от чистоты кожей, хрюкнул, как свинья, и навалился на нее, вдавливая телом в кровать.

Ее пронзила острая боль, она истошно закричала, но Сергей, закрыв ей рот пахнувшей дорогим одеколоном рукой, продолжал ее насиловать, не обращая внимания на крики и стоны.

Потом, откинувшись на подушки, обессиленный, вспотевший, удивленно произнес:

— А ты действительно девушка. Вон крови сколько натекло, придется платить за простыни.

Она еще корчилась от боли, но смогла выдать:

— Я же говорила...

— Говорила, говорила, да я не поверил, — буркнул он и положил на тумбочку сто долларов.

Лиза, раскрыв полуслепые от боли глаза, смотрела на зеленую бумажку, не чувствуя радости. А впрочем, какая радость? Ей от этих денег мало что достанется. Все пропьют алкаши-родители.

Словно угадав ее мысли, быкообразный Сергей сказал:

— Я хочу, чтобы ты купила хорошую одежду. Но, видимо, родители не дадут тебе этого сделать. Они алкоголики, да?

— Да, — прошелестела она и всхлипнула.

— Тогда пойдем со мной, и я куплю тебе все, что нужно. — Он поднялся с постели, не пытаясь прикрыть нагое сильное тело. — Слушай, ты мне понравилась. Мне до смерти надоели испорченные девки. Ты не такая. Я хочу, чтобы ты переехала ко мне сейчас. Зачем тянуть, если я все равно заберу тебя отсюда?

Она ничего не отвечала, не зная, хорошо или плохо для нее то, что предлагал этот мужчина.

Он заметил ее колебания и усмехнулся.

— Любая из таких, как ты, сочла бы это подарком судьбы, — произнес он, улыбаясь. — А ты... Что же тебе мешает? Если твоей семье понадобятся деньги, я буду давать их. Тебе не придется больше искать клиентов.

Она закивала быстро, как китайский болванчик:

— Да, да, я согласна.

— Тогда одевайся.

Выйдя из гостиницы (Лиза заметила, как он щедро заплатил за испачканные простыни), они направились в магазин, где продавалась одежда, и

Сергей сам выбрал и платя, и кофточки, и брюки — все на свой вкус.

Выходя из примерочной, она замечала огонек вожелдения в его желтых кошачьих глазах... Он хотел ее, и она старалась думать об этом без отвращения, но не получалось. А потом он посадил ее в серебристый «Мерседес» и повез к себе.

Его двухэтажный коттедж — простое квадратное строение — находился за городом. Справа неожиданно высились горы, уходящие в облака; на крутых склонах между ними пряталась старая бумажная фабрика с высокими трубами красного кирпича, слева расстилалась степь, плавно уходившая в лес.

Пахло полевыми цветами и сухой травой, и Лизе показалось, что в этом краю очень голубое небо — такого голубого она никогда не видела.

Открыв ворота, Сергей подтолкнул ее к дому, а сам пошел ставить машину в гараж.

Лиза присела на корточки у маленькой клумбы с засохшими цветами и прошептала:

— Бедные вы мои... И я бедная...

Не успели они войти в дом, как он снова набросился на нее, потом попросил небрежно:

— Приготовь что-нибудь пожрать. Холодильник забит до отказа. Готовить-то хоть умеешь?

Да, готовить Лиза умела и любила. Она кинулась на кухню, радуясь возможности побыть в одиночестве, отыскала в морозилке мякоть свинины, в шкафчике — муку, в пакете на кухне — лук и картошку, принялась делать отбивные, удивляясь обилию кухонной утвари.

Похоже, все, что рекламировали по телевизору,

Сергей тут же приобретал, хотя никогда не пользовался. Вещи были совсем новыми.

Лиза вспомнила убогую кухню бабушкиной квартиры, закопченные кастрюли, всегда жирные тарелки, которые следовало бы уже не мыть, а чистить, как сковороду с отломанной ручкой, — в общем, кричащую бедность, и ей стало грустно.

Бабушка с детства учила ее жить честно и не брать чужое — и в результате оказалась в нищете. А этот мужчина... О, в девяностые не было человека, который не знал, чем занимаются бритоголовые ребята.

— А чем так вкусно пахнет? — поинтересовался Сергей, входя в кухню. — Какие красивые отбивные! — Он глотнул слюну. — Не хуже, чем в ресторане. Надеюсь, и на вкус они как ресторанные.

— Домашняя пища всегда отличалась от ресторанной, — проговорила Лиза. — Но, я надеюсь, вам понравится.

Он захохотал так громко, что зазвенела посуда.

— Вот чудачка... Мы уже дважды переспали, а она мне выкает. Впрочем, да, мадемуазель, мы дважды переспали, а я еще не знаю, как вас зовут. Меня — Сергей.

Она назвала свое имя, вспомнив, что когда-то учительница русского языка и литературы и их классная руководительница сказала, глядя на нее:

— В десятом классе мы будем изучать «Дворянское гнездо» Тургенева. Главная героиня этого произведения — Лиза Калитина. Знаешь, читая этот роман, я представляла ее именно такой, как ты.

Лиза не ждала, что он скажет что-нибудь по поводу ее имени: Сергей вряд ли, кроме «Муму», чи-

тал другие произведения Тургенева, однако он произнес:

— Красивое имя. — Мужчина приподнял крышку фритюрницы. — О, у нас еще и картошечка? Когда же будем кушать?

— Еще минут пятнадцать, — пообещала Лиза, и он кивнул:

— Хорошо. Пойду принесу вино.

А потом он помог ей накрыть стол, наверное боясь, что она разобьет дорогие тарелки, и жадно ел, нахваливая:

— Очень, очень вкусно. С тобой я сэкономлю большие деньги на ресторанах. Правда, ты не умеешь заниматься любовью, и в этом твой минус. Но я тебя научу. Нельзя уметь сразу все. — Он шумно рыгнул и даже не попросил прощения. — Нельзя взять невинную девушку и требовать от нее знаний опытной путаны. Это понимаю даже я. А теперь в душ — и в постель.

Она была рада, когда он наконец оставил в покое ее измученное тело и захрапел.

Лиза хотела подумать, что ей делать дальше, но неожиданно провалилась в сон и проснулась только в полночь, когда Сергей грубо разбудил ее.

— Вставай. Собери что-нибудь пожрать. Мне пора на работу.

Что это за работа, Лиза догадывалась.

ГЛАВА 3

Одесса, 1875 г.

— *Говорю я тебе, Софа, никудашные у нас два последних сына. — Яков пил желтоватый чай с хлебом. — Работать не хотят, а деньги хотят. А где,*

спрашивается, возьмешь деньги, если не работаешь? Ты можешь мне ответить?

Горбоносая нескладная жена вздыхала:

— Маленькие они еще. Подрастут — все поймут. Сапожник фыркал, как лошадь:

— Ой ли? Как ни печально признать, из них ничего путного не получится. Они пойдут по кривой дорожке, вот увидишь.

Жена скалилась, показывая длинные редкие лошадиные зубы.

— Не у всех призвание быть сапожником. Я бы мечтала, чтобы мальчики получили хорошее образование.

— На какие такие шиши, Софа? — изумлялся Гойдман, проводя рукой по хрящеватому носу, из узких ноздрей которого выглядывала щетина. — Я с утра до вечера сижу в сапожной лавке, и эта работа не делает меня миллионером. Но я не беру чужое, как наши воры, мне достаточно своего.

— Что же ты предлагаешь? — Как мудрая еврейская жена, Софа почти не спорила с мужем.

— Я предлагаю не пустить их на улицу сегодня, — твердо решил Яков. — Они не заслужили отдыха. — Он встал, стряхнув крошки с синеватых губ. — Сейчас так им и скажу.

Женщина ничего не ответила, и Яков, который всегда принимал ее молчание как согласие, открыл дверь в детскую.

Лейба и Шепсель сидели на кровати и смотрели на отца злыми черными глазенками. Младший сосал ушибленные пальцы, отзывавшиеся тупой болью.

— Мы с матерью решили сегодня наказать вас, — торжественно объявил отец. — Вы проси-